

От автора бестселлера
«Гардемарины, вперед!»

ВЕЛИКАЯ
ЕКАТЕРИНА
РОЖАЕННАЯ ПРАВИТЬ

Нина Соротокина

Нина Соротокина

**Великая Екатерина.
Рожденная править**

«Алисторус»

2014

УДК 82-94
ББК 84 (2Рос-рус)

Соротокина Н. М.

Великая Екатерина. Рожденная править / Н. М. Соротокина —
«Алисторус», 2014

К выходу любовно-исторического телесериала «Екатерина Великая»!
От автора «Гардемарины, вперед!» Принцесса из небольшого немецкого княжества, волей судьбы вознесенная на вершину власти и могущества. Самая неординарная, умная и сильная женщина, более талантливая, чем все монархи, правившие в XVIII веке! Получившая за заслуги в становлении и укреплении Российской империи прозвище Великая, она стала объектом восхищения не только соотечественников, но философов, дипломатов и политиков всей Европы. Эпоха ее правления вошла в историю страны, как «Золотой век Екатерины», но, признавая ее заслуги, мы до сих пор распутываем клубок сплетен и домыслов о загадочной личной жизни императрицы, собравшей у трона блистательных фаворитов.

УДК 82-94
ББК 84 (2Рос-рус)

© Соротокина Н. М., 2014
© Алисторус, 2014

Содержание

Предисловие	5
Невеста наследника	6
Наследник Петр Федорович	11
После свадьбы	13
Молодожены	15
Пункты вице-канцлера Бестужева	17
Рождение сына	19
Станислав Понятовский	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Нина Соротокина

Великая Екатерина. Рожденная править

Счастье не так слепо, как его себе представляют. Часто оно бывает следствием длинного ряда мер, верных и точных, не замеченных толпою и предшествующих событию. А в особенности счастье отдельных личностей бывает следствием их качеств, характера и личного поведения. Чтобы сделать его более осязательным, я построю следующий силлогизм: качество и характер будут большей посылкой; поведение – меньшей; счастье или несчастье – заключением.

*Вот два разительных примера: Екатерина II, Петр III.
Екатерины II. «Записки»*

Предисловие

В семье ее звали Фике. Полное имя было длиннее: Софья Фредерика Августа, принцесса Ангальт-Цербстская. Она родилась 21 апреля (2 мая н.с.) 1729 года в Штетине, в Померании. Отец – принц Христиан Август Ангальт-Цербстский – был губернатором этого города, мать – принцесса Голштинского дома, Иоганна Елизавета. По складу характера она была авантюристкой, а по слухам числилась тайным агентом прусского короля Фридриха II. Может быть, назвать ее тайным агентом слишком грубо, но во всяком случае насколько поручений короля она выполнила – это точно. Все герцогство Ангальт-Цербстское «можно было прикрыть носовым платком», размеры его были очень невелики.

В традиции русского дома в XVIII веке было искать невесту для наследника в немецких княжествах. У императрицы Елизаветы не было детей. На роль наследника русского трона был выбран племянник: Карл Ульрих Голштинский. Мать его Анна Петровна умерла вскоре после его рождения. В этом мальчике сошлись две царствующие линии: он был сыном дочери Петра Великого Анны, а со стороны отца – внучатым племянником Карла XII. Вначале его готовили на шведский трон, он учил латынь, катехизис и шведский язык. Но Елизавета сумела настоять на своем. Карла Ульриха привезли в Россию, при крещении он получил имя Петр Федорович.

Наследник Петр был на год старше своей невесты. Ангальт-Цербстская семья с восторгом приняла предложение императрицы Елизаветы. Под именем графинь Рейнбек мать и дочь тайно поехали в Россию. До срока будущий брак необходимо было держать в секрете. Невеста прибыла в Петербург 9 февраля 1744 года, имея при себе дюжину сорочек и три платья, у нее не было даже постельного белья. С этого началась история будущей Екатерины Великой.

Невеста наследника

Теперь подробнее. Политическое положение в Европе было сложным (впрочем, когда оно было иным?), поэтому к подбору невесты для наследника русского трона в Петербурге относились очень серьезно. В списке невест были английская и французская принцессы, вице-канцлер Бестужев настаивал на саксонской принцессе Марианне, дочери польского короля Августа III. Он считал, что союз России, Австрии и Саксонии умерит аппетиты Франции и Пруссии. Фридрих II тоже хотел приобщиться к свадебным делам, предложил в невесты свою сестру. Это помогло бы склонить Россию к союзу Пруссией против Австрии.

Но императрица Елизавета остановила свой выбор на четырнадцатилетней Фике, решив, что нищая и никому не известная принцесса не имеет своего лица и не сможет стать исполнительницей чьей-либо чуждой России воли. Но чуть ли не главным было то, что Софья Ангальт-Цербстская была племянницей покойного, и как казалось Елизавете, еще любимого жениха принца Карла Августа, епископа Любского. Мать Фике была родной сестрой Карла-Августа, стало быть, была, по-русски говоря, Елизавете золовкой. До свадьбы дело не дошло. Карл внезапно умер от оспы. Это было двенадцать лет назад, но какие-никакие, а считай родственные связи остались. Еще надо добавить, что золовка принадлежала к Голштинскому дому, то есть жених и невеста были двоюродными. Столь близкий брак вызвал нарекания православной церкви, но Елизавете удалось решить дело в свою пользу. И наконец, была еще очень важная причина поторопиться с женитьбой наследника. Свергнутая семья Брауншвейгская сидела под арестом в Риге, а младенец Иван Антонович и по сию пору оставался законным государем. А ну как вторая ветвь дома Романовых захочет опять захватить трон?

О детстве Фике известно немного. Отец, принц Христиан, был на двадцать лет старше матери. Родители были лютеране. Екатерина считала, что мать образованнее и умнее отца, хотя бы потому, что она была более светской. Вот выдержки из «Записок», которые Екатерина писала уже в бытность свою императрицей. «Мне рассказывали, что так как желали сына, то вовсе не были рады, что я появилась первой; впрочем, отец высказал больше удовольствия, нежели его окружение. Мать чуть не умерла, производя меня на свет, и еще долго спустя находилась между жизнью и смертью». Через полтора года у матери родился долгожданный сын, она в нем души не чаяла, а дочь «была только терпима». Еще память детства: «...меня награждали колотушками в сердцах и с раздражением, но не всегда справедливо; я это чувствовала, однако разобраться в своих ощущениях не могла». Отца из-за его занятости Фике видела редко, он считал ее ангелом.

В 1774 году в письме к барону Гримму, который надумал посетить Штетин, Екатерина пишет: «...знайте, что я родилась в доме Грейфенгейма в Марнинском приходе, что я жила и воспитывалась в угловой части замка и занимала наверху три комнаты со сводами, возле церкви, что в углу. Колокольня была возле моей спальни. Там меня учила мамзель Кардель... Через весь этот флигель, по два или по три раза в день, я ходила, подпрыгивая, к матушке, живущей на другом конце». О своей воспитательнице и учительнице мамзель Кардель Екатерина отзывается очень тепло: «...она имела возвышенную от природы душу, развитой ум, превосходное сердце, она была терпелива, добра, весела...», дальше еще целый ворох эпитетов. Себя Екатерина никогда не считала образцом «добродетелей и благоразумия», видимо, мамзель даже по прошествии времени чем-то ее раздражала. Фике выросла, появлялись новые учителя. Ее учили географии, истории, чистописанию, танцам. Учили плохо. Но даже плохо не учили рисованию, о чем она позднее жалела.

Какой должна быть на Руси невеста царя? Красивая, статная, сильная, ум в расчет не принимался. Главное, она должна была быть здоровой, потому что основное ее назначение – давать роду Романовых приплод. Пятнадцатилетняя Фике выглядела старше своих лет и имела

отменное здоровье. Во всяком случае, таковой ее всегда описывают. Каково же было мое изумление, когда я узнала из собственноручных «Записок» Екатерины, как страшно болела она в семь лет. До этого сильно страдала от золотухи, но это не в счет. А в семь лет у нее начался страшный кашель с постельным режимом и высокой температурой. Когда девочка, наконец, поднялась от болезни, выяснилось, что она кривобока, «скрючилась наподобие буквы Z, позвоночник шел зигзагами». Родители тщетно искали врача, который бы поправил фигуру девочки. Наконец, нашли... им оказался городской палач. Лечил он ребенка в строжайшей тайне (оно и понятно), лечил странным способом: жесткий корсет, который не снимали даже на ночь, а дальше вообще удивительная вещь: «каждое утро в шесть часов девушка натошак приходила натирать мне в постели плечо своей слюной, а потом позвоночник». Средства помогли, но Фике могла снять корсет только к десяти годам. Зато потом в бытность ее императрицей все отмечали ее стройный гибкий стан и величественный вид.

Свои «Записки» Екатерина начинала писать несколько раз, первые – в 1771 году. Ей 42 года – возраст зрелости. Про палача, который лечил ее в детстве, она упоминает один раз. Но и одного раза достаточно. Я не понимаю, зачем она, так сказать, «бросила тень» на семью губернатора, который тайно лечил их убогую дочь? Что это – поиск сочувствия, она наверняка знала, что эти записки будут читать после ее смерти. Но Екатерина никогда не искала сочувствия окружающих. Она была выше этого. Пушкин не любил Екатерину Великую. Она считал ее крайне лицемерной особой. Но Александр Сергеевич не читал ее «Записок». А здесь присутствует такая непосредственность и искренность, что диву даешься.

Иоганна была непоседлива и в поездки часть брала с собой дочь. Маленькая Фике побывала в Гамбурге, Брауншвейге, Эйтине и Берлине. В 1739 году в Эйтине в доме бабушки Фике Альбертины Фредерики, вдовы Христиана Августа Голштин-Готторского, епископа Любского, собралась вся семья Голштинского дома. Там десятилетняя Фике познакомилась со своим братом и будущим мужем Карлом Ульрихом Голштинским. Двое детей раскланялись друг с другом. Он тогда сказал: «Ах, милая кузина... Я очень рад вас видеть». Принц был улыбочив, строен, лицо имел продолговатое, с нежной и прозрачной кожей. Как позднее писала сама Екатерина, он был «...довольно живого нрава, но сложения слабого и болезненного. Он еще не вышел из детского возраста». Понятное дело – «не вышел» в одиннадцать-то лет, но как пишут историки, Петр не вышел из детского возраста и в пятнадцать, и в двадцать, и в тридцать три – год своей смерти.

Позднее было получено известие, что принц Карл Ульрих отказался от шведской короны, а принял православие и стал наследником трона русского. Иоганна обрадовалась этому известию. Замужество старшей дочери часто обсуждалось в доме. В числе предполагаемых женихов был и Голштинский принц, но мать неизменно говорила: «Нет, не за этого; ему нужна жена, которая влиянием или могуществом дома, из которого она выйдет, могла бы поддержать права и притязания этого герцога, дочь моя ему не подходит».

Одним из нареканий, которые предъявляют Екатерине Великой и современники, и потомки, была ее любвиобильность и огромное количество фаворитов. О себе она пишет, что в детстве была некрасивой, но, видимо, гадкий утенок довольно скоро превратился в лебедя. Вот первая любовная история, о которой пишет Екатерина в «Записках». К Фике очень благоволил ее дядя, брат матери Георг-Людвиг. Случилось это за год (или около того) до отъезда в Россию. То есть Фике в возрасте Лолиты. Дядя на десять лет ее старше, он весел, остроумен, очень хорош собой, удачлив на службе у короля Фридриха II. Отношения с девочкой самые невинные, он заходит в ее комнату поболтать, развеселить. Воспитательница мамзель Кардель возражает против этой дружбы, считая, что дядя отвлекает девочку от занятий.

Наконец наступает час, когда дядя заявляет племяннице, что он любит ее без памяти и ждет от нее обещания, что они со временем обвенчаются. Фике в полном недоумении – а что скажут мама и папа? В конце концов, Фике дала дяде клятву, что станет его женой, если роди-

тели дадут на это согласие. Но как сказать об этом матери? Позднее Фике-Екатерина узнала, что мать давно замечала ухаживания брата за ее дочерью. По сути дела она даже способствовала этому. А почему нет? Устроила дочери достойный брак, и с плеч долой.

В декабре 1743 года родня собралась в Цербсте, чтобы встретить Рождество. Встретили. А 1-е января 1744 года стало эпохальным днем для всей семьи. Так он выглядит в описании самой Екатерины. Все сидели за столом, когда принесли пакет писем. Отец вскрыл пакет. Первое письмо предназначалось Иоганне. «Я была рядом с ней и узнала руку обер-гофмаршала Голштинского, герцога, тогда русского князя. Это был шведский дворянин по имени Брюмер... Мать распечатала письмо, и я увидела его слова: с принцессой, вашей старшей дочерью». Словом, Иоганну звали в Россию. Вот выдержка из письма Брюмера. Она не несет никакой особенно важной информации, просто хотелось, чтобы читатель знал, как изъяснялись в 18 веке. «...В продолжение двух лет, как я нахожусь при этом дворе, я имел случай часто говорить Ее Императорскому Величеству о вашей светлости и о ваших достоинствах. Я долго ходил около сосуда и употреблял разные каналы, чтоб довести дело до желаемого конца. После долгих трудов, наконец, думаю, я успел, нашел именно то, что наполнит и закрепит совершенное счастье герцогского дома. Теперь надобно, чтобы ваша светлость завершили дело, счастливо мной начатое. По приказанию Ее Императорского Величества я должен вам внушить, что ваша светлость в сопровождении вашей дочери немедленно приехали в Россию». И так далее на пятнадцать, а может, и того больше листах. Устав возносить себе хвалу, Брюмер сообщил, что к письму присоединен вексель, «сумма умеренная, но надобно сказать Вашей Светлости, что сделано это нарочно, чтобы выдача большей суммы не кидалась в глаза наблюдавших за нашими действиями». Еще Брюмер писал, чтобы «принц, супруг ваш, ни под каким видом не приезжал вместе с вами».

В доме началась отчаянная суета, Фике отослали в ее комнату. В этот же день пришло письмо от Фридриха II с поздравлениями. Иоганна тут же ответила благодарственным посланием, заверяя прусского короля, что во всем будет пользоваться его советами. Интересно, какую именно роль она отводила себе в России?

Разговор с дочерью состоялся только через три дня, да и то Иоганна говорила не прямо, а намеками: да, мы едем в Петербург, но неизвестно, останемся ли мы там, и вообще, что скажет батюшка, он может не согласиться. А потом вдруг вопрос: «А что скажет твой дядя Георг?» Здесь девочка и поняла, что именно его мать прочила в женихи дочери. Но Фике очень хотелось уехать из маленького, бедного Цербста в огромную, неизвестную и богатую Россию. «Он может желать только моего благополучия и счастья», – таков бы ее ответ матери. Благо разумно, ничего не скажешь.

10 января 1744 года они уже в дороге. В Россию едут через Берлин. Мать решила, что девочке не стоит появляться при дворе. Достаточно, если король примет ее с мужем. Но Фридрих II думал иначе. Сейчас юная Фике интересовала его гораздо больше, чем ее родители. Иоганна придумывала тысячу отговорок: дочь больна, она не может выйти из дома, в следующий приемный день – у дочери нет придворного платья. Одна из прусских принцесс прислала Фике свое платье. Встреча состоялась. За столом девочка сидела рядом с королем. Фридрих II был необычайно внимателен и учтив. Позднее Екатерина напишет в письме к нему: «Я всегда буду сожалеть о том, что видела великого человека, героя, государя-философа, воина-законодателя только в том возрасте, когда почтение заменяет разумное понимание».

Далее семья проследовала в Штеттин. Здесь Фике получила от отца письменное наставление – как вести себя в России. Особенно много слов было посвящено возможному изменению веры. Грустное это было расставание. Фике плакала. Они расстались с отцом навсегда.

Дорога была трудной. Холодно, зима 1744 года была суровой. Ехали тайно, поэтому ночевать приходилось в самых захудалых трактирах и гостиницах. И так две с половиной недели. Но как только они переехали границы Русской империи, все изменилось. В Риге их встречали

с почетом и радушием – барабанный бой, пение труб, гром пушечных выстрелом, и еще две соболиные шубы в подарок, чтоб не мерзли в дороге. Из Риги они уже ехали не в каретах, а русских санях, обитых внутри соболями и украшенных серебряными галунами. Иоганна пишет мужу с трогательной наивностью: «Мне в мысль не приходит, чтоб все это делалось для меня, бедной, для которой в иных местах едва били в барабан, а в других и того не делают». Дочь здесь как бы не учитывается.

Русский двор в это время находился в Москве. В Петербурге путешественницы отдохнули недолго и опять в путь. Описывая прием Иоганны с дочерью в Москве, Екатерина не жалеет красок. Обе они были буквально потрясены богатством русского двора. Екатерина подробно описывает в «Записках» каждый наряд императрицы, ее красоту, гордый вид и, главное, доброту и расположение к будущей невесте и ее матери. Все было чудесно, и с женихом отношения сложились. Петру очень нравилось, что Фике – родственница, ей можно во всем доверять и быть совершенно откровенным. Балы, маскарады, Фике получила много прекрасных подарков.

А потом она заболела: три недели с высокой температурой и почти в беспомощности. Врач Елизаветы Бургав появился сразу. Он сказал, что это плеврит, боль в правом боку была очень сильной. Врач настаивал на кровопускании, но Иоганна воспротивилась, потому что боялась одного вида крови.

О болезни юной невесты сообщили императрице, она находилась в Троице-Сергиевой лавре на богослужении. Елизавета немедленно приехала в Москву и многие часы провела у постели больной. Иоганну вежливо отослали в ее покои, врач приступил к своим обязанностям. Кровь пускали восемнадцать раз. Как пишет Екатерина, накануне Вербного воскресенья ночью она «выплюнула нарыв» и ей стало легче. Не буду подвергать сомнению диагноз и способ лечения. Не мое это дело, но болезнь отступила.

Именно с этого времени отношения императрицы и Иоганны дали первую трещину. Фике была еще очень слаба, когда мать явилась к ее постели и попросила отдать ей кусок материи на платье, материя была подарена еще в Германии братом отца. Девочке было жалко расставаться с подарком, но мать была непреклонна, пришлось уступить. Разговор с дочерью происходил в присутствии фрейлины. Сцена была тут же пересказана императрице. Елизавета тут же послала Фике два куска прекрасной ткани. Говорили, что императрица была возмущена поведением Иоганны. Просить у почти умирающей дочери какую-то тряпку на платье! Ясно, что Иоганна не любит дочь! Иначе она не выступила бы против кровопускания.

О будущем муже Екатерина пишет: «Великий князь во время моей болезни проявил большое внимание ко мне, когда я стала лучше себя чувствовать, он не изменился ко мне; по видимому, я ему нравилась; не могу сказать, чтобы он мне нравился или не нравился; я умела только повиноваться. Дело матери было выдать меня замуж. Но по правде, я думаю, что русская корона больше мне нравилась, нежели его особа».

21 апреля 1744 года Фике исполнилось пятнадцать лет. На следующий день она начала готовиться к принятию православия. Фике была лютеранкой. Отправляя дочь в Россию, отец заклинал ее не менять веру. Однако в Петербурге на это смотрели иначе. Елизавета считала, что невеста наследника может исповедовать только греческую веру. А Фике уже мечтала о русской короне, поэтому она уговорила себя, что различия догматов лютеран и православных совсем ничтожны. Различия существуют только во внешнем богослужении, а это уже сущая мелочь. В вопросах веры ее наставлял архимандрит Тодоровский, русский язык ей преподавал Ададуров. Фике была, как всегда, прилежна.

28 июня 1744 года Софья Августа Фредерика, принцесса Ангальт-Цербстская, приняла православие, получив при крещении имя Екатерина Алексеевна. При крещении она очаровала Елизавету. Недаром Фике учила русский язык днем и ночью, а догмат веры, как скворец, бездумно выучила наизусть, чтобы ясным чистым голосом прочитать без запинки.

На следующий день в Успенском соборе произошло обручение молодых. Обряд происходил в торжественной обстановке в присутствии Синода и Сената – дело государственное! Ее императорское высочество, великую княгиню Екатерину Алексеевну – так теперь будут именовать принцессу из Цербста – осыпали подарками. Здесь были и украшения с брильянтами, и просто деньги, на одни карманные расходы Екатерина получила 30 тысяч. Иоганна была в восторге. Свадьба должна была состояться через год.

Наследник Петр Федорович

Теперь о будущем супруге. Родился Петр Федорович (Карл Ульрих) 10 февраля 1728 года в Киле, столице Голштинии. Отцом его был племянник Карла XII, матерью – старшая дочь Петра I Анна, поэтому, как мы уже говорили, мальчик имел права как на шведский, так и на русский трон. Формально он имел также все права на Голштинию. Мальчик рос сиротой, потеряв в три месяца мать и в одиннадцать лет отца. Брак Анны и Голштинского принца Карла Фридриха был политическим. Венчание произошло уже после смерти Петра I в 1725 году. Екатерина II утверждала, что Анна умерла от чахотки. По другим сведениям она простудилась, глядя на фейерверк из открытого окна своего дворца. Анна была любимицей отца и умницей, жаль, что умерла рано. Ей было девятнадцать лет.

Детство Петра Федоровича было тяжелым. Отцу, пока был жив, было совершенно наплевать на сына, а воспитатель обер-гофмаршал Брюмер был почти чудовище – жестокий, необразованный и грубый человек. Можно сказать, что он истязал мальчика, иногда даже морил голодом. Вот одна из его фраз-страшилок: «Я вас так велю сечь, что собаки кровь лизать будут; как бы я был рад, если бы Вы сейчас же подошли». В те времена отношение к детям вообще было жестоким, и для царских отпрысков не делали исключения. Николая I, например, тоже секли почем зря, а матушка Мария Федоровна вполне это одобряла.

Учили юного принца из рук вон плохо, да он и не желал учиться. При этом болезненный, хилый мальчик был истинный Романов, он обожал военную форму, муштру, экзерциции и игру в солдатики.

Вначале Петра готовили к шведской короне, то есть прививали отрицательное отношение к России, исконной противнице Швеции. Но Петр был одинаково равнодушен и к Швеции, и к России. На всю жизнь он сохранил любовь к родине – уютной и чистенькой Голштинии. Он и Россией потом пытался править как удельным княжеством – это и было его главной бедой.

Везли в Россию мальчика тайно. Елизавета торопилась и боялась, что на будущего наследника нападут в дороге и увезут в неизвестном направлении. Но все обошлось. В сопровождении барона Николая Федоровича Корфа и обер-гофмаршала Брюмера 5 февраля 1742 года он прибыл в Петербург. Был отслужен благодарственный молебен. На мальчика тут же возложили знак отличия – Андреевскую ленту с бриллиантовой звездой.

Сразу по приезде Петру определили воспитателя – профессора «элоквиции (красноречия) и поэзии» Якова Яковлевича Штелина. Воспитатель обнаружил в наследнике полное отсутствие знаний, страсть ко всему военному и очень хорошую память. Обучение происходило странным образом. Штелин во всем потакал своему воспитаннику. Если тот не мог усидеть на месте, профессор ходил с ним рядом и вел отвлеченный разговор. Штелин не видел смысла в систематическом, последовательном обучении, а для усвоения знаний прибегал к картинкам. Вот выдержки из его отчета Елизавете: «Стараясь извлечь пользу из каждого случая, например, ... при кукольных машинах объяснен механизм и все уловки фокусников; при пожаре показаны все орудия и их композиции...» и т. д. Историю государств он учил с помощью изображения государей на монетах. Петр смотрел, слушал, но по-настоящему его интересовала только игра в солдатики. Мальчик и не тянулся к образованию. Любимым его чтением были разбойничьи романы, чтение сродни нашим плохим детективам. Как пишут историки, он был человек мелочный, обидчивый, упрямый, легкомысленный, но не злой.

Русский язык Петр освоил с грехом пополам, но не любил его, предпочитал изъясняться по-немецки и по-французски. Он знал и любил музыку и живопись, но ненавидел обязательные занятия танцами. Усвоение догматов православия давалось ему с трудом. Многие современники утверждали, что в душе Петр так и остался лютеранином. Обряд крещения состоялся

7 ноября 1742 года. Петр держался достойно. Елизавета была очень всем растрогана. Поначалу она любила племянника.

После обручения осенью 1744 года великий князь Петр Федорович с невестой посетил Киев. Это свадебное путешествие ему дорого обошлось. Вначале что-то случилось с желудком, потом корь, а напоследок страшнейшая болезнь XVIII века – оспа. Он остался жив – вылечили, но оспа на всю жизнь изуродовала его лицо. Екатерина пишет, что не узнала его после болезни: «...все черты лица огрубели, лицо все еще было распухшее и несомненно было видно, что он останется с очень заметными следами оспы».

После свадьбы

Венчание молодых произошло в Петербурге в августе 1745 года и было очень пышным. Весь церемониал был распisan загодя. Указ императрицы, выпущенный за полгода до назначенной даты, повелевал двору, а также вельможам первых четырех классов и их женам, обновить свой туалет и транспорт, то бишь, кареты. Указ учел даже слуг, даже гайдуков на запятках, которых тоже следовало обрядить во все новое.

Праздник продолжался десять дней. Н.И. Павленко пишет: «В пять часов утра в пятницу 21 августа 1745 года пушечные выстрелы из крепостей и с кораблей, специально введенных в Неву, дали сигнал для сбора войск, построенных шпалерами от Зимнего дворца до Казанского собора, где должно было происходить венчание». Праздник завершился плаваньем по Неве знаменитого ботика Петра Великого, Елизавета очень чтит своего отца.

Екатерина с упоением пишет о венчании и празднике, который ему сопутствовал. «На другой день после свадьбы, приняв ото всех поздравления в Зимнем дворце, мы поехали обедать к императрице в Летний дворец. Поутру она мне привезла целую подушку, сплошь покрытую чудным изумрудным убором и послала сапфировый убор великому князю для подарка мне; вечером был бал в Зимнем дворце». А вот кадрили в разноцветных домино на маскараде: «Первая кадрили была великого князя в розовом с серебром; вторая в белом с золотом была моя, третья – моей матери, в бледно-голубом; четвертая, в желтом с серебром, моего дяди, принца епископа Любекского». А уж сколько было съедено, выпито! Но праздники кончаются, и начинается жизнь.

28 сентября, то есть спустя месяц после свадьбы дочери, Иоганна, принцесса Цербстская была выслана из Петербурга. Вот предыстория этого события. Еще в мае 1744 года Елизавета устроила Иоганне разнос. Этому предшествовала высылка из России французского посла Шетарди. Ах, если бы не дипломатическая переписка, что бы мы знали об истории Европы (и не только Европы)? Шетарди склонял императрицу к союзу с Францией. Она упрямылась, потому что этому союзу препятствовал вице-канцлер Бестужев. Доведенный до отчаяния Шетарди в своих дипломатических отчетах домой крыл Елизавету почем зря: ленива, неспособна к делам, на уме только удовольствия и т. д. Чтоб подкрепить свои сведения, Шетарди описывал свои беседы с Иоганной. Принцесса Цербстская тоже позволяла себе осуждать Елизавету.

Как известно, Бестужев завел в своем министерстве Черный кабинет – отдел в котором расшифровывали и перлюстрировали всю дипломатическую почту. Письма Шетарди были представлены Елизавете. Разразился скандал. Французского дипломата выдворили из России в 24 часа. Иоганна избежала этой участи только потому, что нужна была на свадьбе дочери.

Происшедшее ничему не научило Иоганну. По приезде в Россию Иоганне Ангальт Цербстской было 33 года. Из очень, мягко говоря, скромного, дома она попала в оглушительное богатство русского двора и совершенно потеряла голову. Нельзя сказать, чтобы Иоганна была хороша собой, но она умела нравиться. Наконец она дорвалась до почестей, славы, а пятнадцатилетняя дочь, гусенок с длинной шеей, только некая помеха на пути к славе. Мать жила широко, делала долги, не пропускала ни одного бала (Бестужев в насмешку прозвал ее королевой-матерью), но при этом не забывала наставления и советы Фридриха II. Цербстская принцесса вела активную переписку и беззастенчиво вмешивалась в политические дела России. Брюмер был ее верным помощником. Вся ее переписка была в руках Бестужева. Наконец, «чаша терпения» Елизаветы переполнилась. Вслед за Иоганной из России был выслан и Брюмер.

На прощанье Елизавета подарила Иоганне 50 000 рублей и два сундука с китайскими шальями и разными материями, свиту ее также щедро одарили. На последней встрече с импе-

ратрицей Иоганна упала перед ней на колени, прося прощения. Елизавета сказала, мол, раньше надо было быть такой смиренной.

После отъезда Иоганны выяснилось, что подаренные императрицей деньги никак не покрывают сделанной «королевой-матерью» долгов, их было в полтора раза больше. Екатерина пишет: «Чтобы вывести мать из затруднения, я взяла на себя эти долги, сделанные в России». А потом она их платила и платила, зачастую отказывая себе во многом.

Молодожены

А что молодые? Их отношения вошли в новую фазу. Главной задачей Екатерины в этот момент было родить сына, продлить линию – то есть дать государству следующего наследника трона русского. А вот это как раз и не получалось. Екатерина писала в своих «Записках»: «Я очень бы любила своего супруга, если бы он только хотел или мог быть любимым». И еще она пишет: «Никогда умы не были менее сходны, нежели наши: не было ничего общего между нашими вкусами, и наш образ мыслей и наши взгляды на вещи были до того различны, что мы никогда ни в чем не были согласны, если бы я часто не прибегала к уступчивости, чтобы его не задевать прямо».

Понятно, отношения с мужем были очень неровные. А любовь, как же любовь? Любовь у молодых не случилась, но первое время была доверительность. Всю их совместную жизнь Петр бегал к жене советоваться и по пустякам, и по серьезным делам. Со временем доверительность не только исчезла, но превратилась в откровенную ненависть. Екатерина во всем винит мужа, но отношения между супругами всегда формируются двумя.

Великий князь очень обижал жену тем, что был влюблен, казалось, во всех женщин, кроме нее. До замужества он обожал юную Лопухину, о чем прямо говорил невесте, прибавляя, что, конечно, женился бы на Лопухиной, но тетушка, то есть императрица, против. После свадьбы его возлюбленной стала фрейлина императрицы Карр. Видимо, он считал, что их родственный брак – чистая формальность, и он волен в выборе женщин. Правда эта внебрачная любовь не шла дальше флирта и поцелуев.

Вот письмо Петра к жене от 1746 года: «Мадам, прошу вас больше не беспокоиться спать со мной, так как теперь не время меня обманывать. Постель покажется слишком узкой после двухнедельной разлуки с вами.

Сегодня после полудня Ваш несчастный муж, которого вы не устаиваете этим именем».

Обидела его чем-то супруга, вот он и написал писульку, но ведь документ! Но и при таких отношениях супругов иногда появляются дети, но время шло, а у великой княгини не было никаких признаков беременности.

Но молодую пару мало огорчало отсутствие ребенка. Каждый был занят своим делом. Петр пил и весьма неумеренно, опять же по-детски играл в солдатиков и марионеток. Он разыгрывал великие баталии в своих покоях, на столе и на полу воевали солдатика из дерева, свинца, крахмала и воска. Они занимали его комнату целиком. «Он прибил узкие латунные полоски вдоль столов; к этим латунным полоскам были привязаны веревочки и, когда их дергали, латунные полоски производили шум, который, по его мнению, воспроизводил ружейные залпы. Он очень аккуратно праздновал придворные торжества, заставляя эти войска производить ружейные залпы; кроме того, каждый день сменялись караулы, то есть с каждого стола снимали трех солдатиков, которые должны были стоять на часах».

Екатерину он несказанно раздражал. С женой он общался, донимая ее пустыми разговорами, мечтая построить рядом со своей дачей «Дом для отдыха и удовольствий», который почему-то должен был напоминать обликом капуцинский монастырь. Но пока была сооружена крепость в Ораниенбауме, где по свидетельству Штелина, «в первый раз высказалась страсть к военному его высочества устройству роты из придворных кавалеров и прочих окружающих великого князя».

Петр обожал охоту, поэтому держал рядом со своими покоями собачью свору. Из-за вечного лая под окнами Екатерина не могла спать. Другой мукой была игра на скрипке. Петр преклонялся перед императором Фридрихом, который, как известно, был меломаном. Плохо или хорошо играл супруг, мы проверить не можем. У Екатерины было особое устройство уха, она любую музыку воспринимала как скрип. Бывает... Но пощади жену, «не пиликай» на скрипке!

Но все это можно пережить. У Екатерины был легкий характер, она приобрела свой круг друзей, у нее были поклонники. При дворе устраивались балы и маскарады, а она любила танцевать. Еще существовала охота и загородные прогулки. Великая княгиня обожала верховую езду. Оторвавшись от общей компании, она садилась прямо в юбку в мужское седло и мчалась, куда глаза глядят. За этот способ верховой езды императрица не раз делала ей выговор. В те времена считалось, что езда по-мужски мешает деторождению. Екатерина не обращала на эти попреки внимания. В этом ли дело? Главное, закрепиться при дворе, найти себе доброжелателей и союзников. Она хотела быть русской и взяла себе за правило вести себя так, чтобы всем нравиться. В разговорах с важными старухами, болтливыми стариками, важными дамами, часто ей совершенно неинтересными, она неизменно была любезна, приветлива, внимательна, что не помешало ей потом написать: при дворе Елизаветы «все сердечно друг друга ненавидели».

Пункты вице-канцлера Бестужева

Поводом для назначения к молодой чете соглядатаев – жены и мужа Чоглоковых – было событие незначительное, но достаточно скандальное. Покои Петра соседствовали со скромной комнатой, в которой государыня часто обедала с самыми близкими доверенными людьми. Ими могли быть и горничные, и певчие из церкви. Дверь между покоями князя и этой комнатой была забита. Екатерина пишет: «Великому князю пришла фантазия посмотреть, что происходит в этой комнате; он просверлил дырки в двери, отделяющей комнату от этой...» Просверлил дырки и увидел тетушку Елизавету Петровну за чаепитием с графом Алексеем Разумовским. Граф был в шлафроке, то есть совсем по-семейному. «...но ему не довольно было самому глядеть в эти дырки; он хотел, чтобы все его окружение наслаждалась этим зрелищем», – пишет далее Екатерина. У нее самой хватило ума отказаться от этой забавы, она и мужа предупредила, что это опасная игра.

Узнав о проделке племянника, Екатерина пришла в ярость. Здесь и Бестужев подросел со своими советами. Молодую пару надо образумить, пора кончать ребячество. За ними надо установить неусыпный надзор и разработать пункты-инструкцию, как «вести себя должно». Иначе трон русский не получит наследника! Елизавета приняла совет вице-канцлера.

Где-то через девять месяцев после свадьбы Елизавета подписала сочиненную Бестужевым бумагу, по которой в штат молодоженам назначали «двух достойных особ», гофмейстера и гофмейстерину, то есть двух надзирателей. Достойные особы должны были отслеживать каждый шаг молодых и исправлять их поведение. В наставницы Екатерине императрица выбрала свою любимицу статс-даму Марию Чоглокову. Наставником к великому князю вначале назначили князя Репнина, но поскольку он по мягкости характера попустительствовал Петру, то получил отставку. Его место занял супруг Марии – гофмаршал Чоглоков. Марии было 24 года, но она уже имела двух детей и ждала третьего. Это ли не показатель высокой нравственности?

В «пунктах» Бестужева все было расписано очень подробно. Петра Федоровича обвиняли в легкомыслии, в грубых привычках (нельзя прилюдно лить воду из стакана на голову слугам), в нетактичных разговорах, в устройстве театра марионеток в своей комнате и так далее. Наследнику надлежало вести себя так, чтобы приобрести любовь и уважение нации, которой ему предстоит управлять. Он должен соблюдать благоговение и благолепие при церковной службе, быть почтительным с духовными лицами. В церкви Петра часто вел себя безобразно, разговаривал, смеялся и передразнивал священников и молящихся. В нем умер талантливый актер, передразнивая людей, он так ловко копировал их походку и повадки, что выходило очень смешно. Отдельный пункт инструкций был посвящен хилому здоровью наследника, ему надлежало слушаться врачей, правильно питаться, не пить чрез меры и т. д. Особое внимание было уделено забавам великого князя: романы не читать, игру на скрипке пресечь, солдатиков выкинуть.

Претензии к Екатерине были более строгими. Они включали три пункта: небрежное отношение к православию, запретное вмешательство в голштинские дела, а также чрезвычайную фамильярность с молодыми вельможами, посещающими двор, с камер-юнкерами, что еще хуже, с пажами и даже с лакеями.

Что тут правда, а что ложь – неизвестно. Да, у Екатерины были дружеские отношения с братьями Чернышевыми. Эти трое блестящих молодых людей пользовались особым расположением Петра, а молодой двор на то и молодой, что там хотелось веселиться. Для обеспечения появления наследника, указывал Бестужев в своем документе, «великой княгине должно быть прилежно применяться более покорно, чем прежде, со вкусами мужа, казаться услужливой, приятной, влюбленной, пылкой даже в случае надобности, употреблять, наконец, все свои посильные средства, чтобы добиться нежности своего супруга и выполнить свой долг». Унижительные пункты, что и говорить!

От великой княгини удалили всех близких ей людей, даже слуг поменяли. Кроме того, ей запретили любую переписку, в ее комнате вообще не было письменных принадлежностей. Теперь письма «дочери к матери» писались в Иностранной коллегии, Екатерине оставалось только поставить свою подпись. Правда, со временем Екатерине удалось переслать матери несколько писем с помощью мальтийского рыцаря Сакромозо, личности загадочной и темной.

Вокруг Екатерины образовалась пустота. И чем она теперь заполняла свой досуг? Читанием. Это были уже не пустые романы, а серьезные книги, которые ей поставляли из Академической библиотеки. В первый свой год проживания в Петербурге она получила ценный совет от графа Гюлленборга, который прибыл в Россию со шведским посольством. Граф по достоинству оценил способности и ум юной принцессы, который он назвал философским. Он сказал: «Каким образом ваша душа поддается расслабляющему влиянию двора, полного роскоши и удовольствия? Обратитесь снова к врожденному складу вашего ума. Ваш гений рожден для великих порывов». Эти слова Екатерина записала по памяти уже зрелой женщиной, может быть, граф говорил менее пышно, но не в этом дело. Он дал ей список книг, и Екатерина принялась за чтение. Это были «Жизнь Цицерона», «Жизнь знаменитый мужей» Плутарха, «Причины величия и упадка Римской республики», затем последовали Руссо и Монтескье. Вначале она очень скучала над «величием и упадком», но потом весьма пристрастилась к умным авторам. Кто бы мог предположить, что работы Монтескье станут ее настольными книгами? Потом был Вольтер, «Всеобщая история Германии» Барра, «Письма мадам де Севиньи», оказавшие на Екатерину огромное влияние, но была и особенная литература, будившая ее женское сознание, а вернее сказать – инстинкты. Скажем, «Дафнис и Хлоя», полная простодушных любовных сцен. Или История Иоанны II, королевы неаполитанской, красавицы и распутницы. Как пишет автор, сия Иоанна многих услаждала своим телом, но как можно порицать за этот порок королеву и красавицу? Она – солнце, а солнце можно только боготворить.

Весь двор и иностранные послы внимательно следили за жизнью молодого двора. Де Шампо доносит в Париж: «Великий князь, не подозревая этого, был не способен иметь детей от препятствия, устраняемого у восточных народов обрезанием, но которое он считал неизлечимым. Великая княгиня, которой он опротивел, и не чувствующая еще потребности иметь наследника, не очень огорчалась этим злоключением». Все это выяснилось позднее, и физический недостаток Петра путем операции был устранен, но пока во всем винили Екатерину. Не умеет склонить мужа к любви, своенравна, а может быть, и неплодна.

Рождение сына

Екатерина родила наследника на девятый год после брака. Случилось это 20 сентября 1754 года. Кажется, есть ли большая радость для матери, чем рождение сына? Ан нет. Младенца спеленали, присутствующая при этом императрица Елизавета послала за духовником. Мальчика нарекли Павлом, после чего сразу унесли в покои императрицы. Екатерина выполнила свою миссию, и о ней забыли, то есть буквально: бросили в одиночестве на родильной постели без чьей либо помощи, ни врача, ни акушерки не было рядом. Она лежала около двери, из окон, которые плохо затворялись, отчаянно дуло, по комнате гулял сквозняк. Было больно, холодно, очень хотелось пить. Но некому было подать воды. Супруг на радостях пил с друзьями отнюдь не воду. Держава тоже ликовала.

Екатерина заболела, почти два месяца не вставала с постели. Она была обижена, унижена, раздавлена душевно и физически. Павла потом назовут в Европе русским Гамлетом. У нас говорят: родила мать сыночка, да не облизала. Где же его облизать, если Екатерина увидела сына через шесть недель после рождения в день «обряда очищения». Принесли, дали подержать на руках и опять унесли. Младенец принадлежал не матери, а державе. Здесь все идет в копилку последующих отношений между матерью и сыном. Павел никогда не любил матери, со временем он ее возненавидел. Она отвечала ему тем же.

На шестой день Павла крестили. После обряда императрица сама пришла к Екатерине и принесла на золотом блюде указ Кабинету выдать роженице сто тысяч рублей и ларчик с драгоценностями, которые Екатерина нашла очень скромными. «Там было очень бедное маленькое ожерелье с серьгами и двумя жалкими перстнями, которые мне совестно было бы подарить моим камерфрау». Деньги, правда, были очень кстати, великая княгиня была вся в долгах. Вскоре Петр узнал о подарке и закатил сцену. Почему Екатерине подарили деньги, а ему нет!? В конце концов, он тоже имеет отношение к рождению наследника! Императрица устранила оплошность. Как ни худа была казна, она распорядилась наградить и Петра. Но денег не было. Черкасов, секретарь Кабинета, явился к Екатерине с просьбой отказаться от подаренных ей ста тысяч. Потом как-то обошлось, деньги нашли.

Как только появился наследник, весь русский двор, а также иностранные дворы, принялись гадать – кто отец? Спор этот не разрешился до сих пор. Не хочется уподобляться желтой пресс и копаться в интимной жизни людей, но интимная жизнь Петра и Екатерины относиться к разряду важных государственных тайн. А как же? Если отец Павла не великий князь Петр, а некто другой, то, стало быть, вся последующая царская семья уже не Романовы. И что вы думаете? Даже портреты сличали, чтобы найти у Павла и возможных претендентов на отцовство общие черты в облике.

Иные утверждали, что Павел явно похож на Петра Федоровича. Это чем же похож? Да такого курносого, как Павел Петрович, во всем русском государстве нет (к слову сказать, курносый нос у Павла от травмы, в детстве он неудачно упал). Даже такой серьезный историк как Эйдельман, опубликовал в «Новом мире» крайне спорную работу, по сути дела пересказав старую сплетню, подновленную догадками и новыми сомнительными документами. В статье высказывалась версия, что Павел вообще не сын Екатерины, де, «Записки» ее в этой части – чистая фальсификация, потому что рожденный ею младенец умер в ту же ночь. Далее совсем фантастично. Понимая, что страна может лишиться наследника, Тайная канцелярия (а кто же еще, по тем временам это было их КГБ) взяла младенца в чухонской деревне, расположенной под Петербургом. Младенца забрали, а жителей деревни во избежание распространения тайны в ту же ночь отправили напрямиком в Сибирь. Сплетен в те времена ходило множество. Говорили также, что Павел на самом деле сын Елизаветы, которая «подсунула» его в государственных интересах Екатерине. И чему удивляться? Мы и сейчас еще спорим, убил ли

Сталин свою жену Аллилуеву, или она сама застрелилась. А как рассмотреть события через завесы в триста с гаком лет?

Вернемся к реальности. Отмотаем кадры назад и познакомимся с главным претендентом на роль отца – камергером великокняжеского двора Сергеем Салтыковым. Он принадлежал к одной из самых старых и знатных семей России. Отец – генерал-адъютант русской армии, мать – урожденная Голицына. Она была красавицей, видно, Сергей пошел в нее.

Знакомство Екатерины и Сергея Салтыкова состоялось в 1752 году. Ему было 26 лет. Уже два года он был женат на Матрене Балк – фрейлине императрицы, женился по любви. Великая княгиня и Салтыков встретились в доме у Чоглоковых. Госпожа Чоглокова была как всегда беременна и очень скучала. Два приятеля, молодых повесы – Лев Нарышкин и Сергей Салтыков – часто приходили в дом, чтобы развлечь хозяйку. Собиралась веселая компания, зоркий наблюдатель Чоглоков следил за поведением великой княгини.

Прошла весна и половина лета. Они виделись каждый день. Екатерина: «К несчастью, я продолжала его слушать; он был прекрасен, как день, и, конечно, никто не мог с ним сравниться ни при большом дворе, ни тем более при нашем. У него не было недостатка ни в уме, ни в том складе познаний, манер и приемов, какой дают большой свет и особенно двор. Ему было двадцать шесть лет; вообще и по рождению, и по многим другим качествам это был кавалер выдающийся; свои недостатки он умел скрывать: самым большим из них были склонность к интриге и отсутствие строгих правил; но они тогда еще не развернулись на моих глазах».

Ей было тогда 23 года, она ждала любви и получила ее. Слухи о частых свиданиях Екатерины и Салтыкова достигли ушей императрицы. Она выбрала Чоглоковых, а Сергею Салтыкову велено было уехать в свое имение. Он вернулся ко двору только в феврале 1753 года.

Молодой двор жил тогда очень весело. К тому времени вокруг Екатерины образовался свой интимный кружок, все постоянно ходили друг к другу в гости, пели, танцевали, проказничали. Петр веселился отдельно, в своем кругу. Салтыков был принят с распростертыми объятиями, но наученный горьким опытом он держался теперь сдержаннее. Он стал «невнимательным, подчас фатоватым, надменным и рассеянным», пишет Екатерина, и неизвестно, чем бы кончились отношения этой пары, если бы в интимную жизнь не вмешалось государство в лице Бестужева. Это был враг Екатерины, и тем удивительнее ей было узнать о разговоре, который состоялся между канцлером и Салтыковым, в котором канцлер дал понять, что будет смотреть сквозь пальцы на его отношения с великой княгиней.

Со своей стороны Чоглокова тоже поговорила с Екатериной, и разговор этот был вполне откровенным. Стране нужен наследник! «Вы увидите, как я люблю свое отечество и насколько я искренна; я не сомневаюсь, чтобы вы кому-нибудь отдали предпочтение: представлю вам выбор между Сергеем Салтыковым и Львом Нарышкиным. Если не ошибаюсь, то ваш избранник последний». Хорошо же Екатерина задурила Чоглоковой голову, если она выбрала на роль отца Нарышкина. Далее Екатерина пишет: «На это я воскликнула: «Нет, нет, отнюдь нет». Тогда она мне сказала: «Ну, если это не он, так другой наверно». На это я не возразила ни слова. И она продолжала: «Вы увидите, что помехой вам буду не я».

Этот разговор происходил уже в Москве, куда переехал двор. Елизавета жила в своем дворце в Покровском, а Екатерина с великим князем, кавалерами и фрейлинами мотались по разным домам. В «Записках» Екатерина жалуется на фантастическое неудобство: тесно, грязно, сквозняки, насекомые, мыши, и еще пожары, которым не было конца в этом 1753 году. Наконец в подаренных Петру Люберцах срубили новый дом.

После долгой болезни умер Чоглоков, и на его место для наблюдения за великим князем был назначен Александр Иванович Шувалов, глава тайной канцелярии. Вот так-то! Присматривать за Екатериной определили графиню Румянцеву, которая ненавидела Салтыкова. Меж тем наступил 1754 год. Двор вернулся в Петербург, Екатерина была беременна. Ее поместили в покои, расположенные рядом с апартаментами императрицы, поэтому Екатерина не только

не виделась с Салтыковым, она вообще была лишена какого-либо общества. Время родов приближалось.

20 сентября, как уже говорилось, Екатерина благополучно разрешилась от бремени. В честь праздника рождения наследника был устроен грандиозный фейерверк. «Россия, – пишет газета «Ведомости», была представлена на коленях перед жертвенником с надписью внизу: «Единогое еще желаю». Потом явилось с высоты на легком облаке, великим сиянием окруженное, божие провидение с новорожденным принцем на пурпуровой бархатной подушке с надписью: «Тако исполнилось твое желание».

Теперь мы переходим к особо деликатной теме, черпая информацию уже не из «Записок» Екатерины, а у некоего Шампо, в 1752 году он был французским резидентом в Гамбурге. В одном из своих дипломатических посланий Шампо очень уверенно и, пожалуй, развязно (впрочем, это вполне в духе эпохи) описывает следующие события. В Петербурге был бал, там присутствовал весь двор. Лучше дать слово самому Шампо: «Императрица, проходя мимо Нарышкиной (бывшей тогда беременной), разговаривающей с Салтыковым, сказала ей, что не мешало бы той поделиться немного своей добродетелью с великой княгиней. Нарышкина ответила, что это было бы не так неудобноисполнимо, и если бы государыня пожелала дать ей и Салтыкову разрешение действовать в этом направлении, то она осмеливается уверить ее в ожидаемом успехе. Императрица спросила пояснений. Тогда Нарышкина осведомила ее о состоянии великого князя и о средстве, которым можно было бы помочь в этом. Она прибавила, что Салтыков, пользовавшийся у нее доверием, мог бы склонить великого князя к этому. Императрица не только согласилась, но дала даже понять, что этим они окажут ей большую услугу».

Дальше все пошло как по маслу. Салтыков уговорил великого князя на операцию. Он уверял, что этого требуют интересы государства, но не забыл сказать о величайших удовольствиях, которые получит Петр в результате этой операции. Салтыков устроил ужин, позвал туда фавориток великого князя, дабы они тоже уговорили Петра решиться. Тут вошел хирург – «и в минуту операция была сделана».

Дальше – больше. Недоброжелатели уверили императрицу, что сцена с операцией придумана Салтыковым для отвода глаз. Шампо уверенно пишет об интриге при русском дворе, де, Елизавета не раз меняла свое мнение на этот счет, но потом уверилась, что отец Павла все-таки Петр Федорович.

Но вернемся в 1754 год. В своих «Записках» об отцовстве наследника Екатерина пишет так уклончиво и туманно, что совершенно нельзя угадать истину. После родов она очень скупалась по Салтыкову, но, судя по всему, они не виделись. На обряде «очищения» Екатерина узнала, что Сергей Салтыков отослан в Швецию, дабы сообщить там о рождении наследника русского трона.

Но... есть очень серьезное «но» в пользу отцовства Петра Федоровича. Во-первых, он всегда считал Павла своим сыном, а, значит, он имел к этому основание. Второе «но» – Павел никогда не сомневался, что его отцом был именно Петр. И третье «но» – самое главное. Екатерина писала «Записки» в течение всей своей жизни, при этом несколько раз переписывала их, принималась писать заново. Писала она очень откровенно. В каких-то мелочах варианты «Записок» расходятся, но в одном она всегда точна и последовательна, в утверждении, что ее муж – полное ничтожество. Отцовство Павла также тщательно скрыто. А потому смело можно предположить, что пером Екатерины двигало желание оправдаться за незаконно занятый трон, а также показать потомкам, что наследник имел еще меньше прав на русский престол, чем она сама.

Станислав Понятовский

В июне 1755 года на смену английскому послу Гюю Диккенсу в Петербург приехал Генбюри Вильямс, служивший прежде при польско-саксонском дворе. Англия рассчитывала в случае ее разрыва с Францией на содействие русской армии, для чего надобно было обновить договор с Россией, подписанный еще в 1747 году.

На этом периоде жизни Екатерины надо остановиться подробнее, потому что он сыграл очень важную роль в ее судьбе. Великая княгиня выполнила свою главную задачу – дала России наследника. После этого она отошла на второй план, надзор за ней и великим князем был снят. Екатерина все равно была стеснена в своих поступках, но это была уже дань этикету, а не полицейской слежке. Елизавета старела, болела, а Екатерина постепенно набирала силу. Так возник молодой двор, явление уникальное, он существовал параллельно двору императрицы шесть лет и был для Екатерины трамплином в будущее.

Английский посол ничего не добился от Елизаветы, политика ее интересовала постольку-поскольку, у Бестужева были свои виды. Вот тогда-то Вильямс и обратил внимание на молодой двор и главную персону этого двора – Екатерину. Дипломат знал во всех подробностях увлечения Екатерины и Чернышевым, и Сергеем Салтыковым и решил использовать эту слабость великой княгини в своих целях.

В свите Вильямса находился молодой польский граф Станислав Понятовский. Звание его – «кавалер посольства» – не предполагало какой-либо политической работы. Задача «кавалеров» была придать значимость и блеск английскому посольству. С последней задачей Понятовский справился отлично. Он бы хорош собой, в свои 22 года успел попутешествовать и посмотреть мир, светскую выучку проходил в Париже, он был хорошо по тому времени образован, при этом изящен, доброжелателен и скромнен. Романтический герой, иными словами. Отец его начал карьеру в армии, примкнул к Карлу XII и воевал против Петра. Но все кончилось с Полтавской битвой. Правда, и дальнейшая карьера отца Понятовского была успешной, он получил чин генерала, со временем стал старостой Кракова и очень выгодно женился. Взяв жену из рода Чарторыйских, он сразу попал в число наиболее уважаемых семей Польши. Михайла Чарторыйский был канцлером Речи Посполитой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.